

Распространение ислама в Волго-Уральском регионе в середине XVIII – начале XX в.

Орлов Максим Александрович

кандидат исторических наук, Петербургский лицей. Россия, г. Киров.
ORCID: 0000-0003-4663-9443. E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Аннотация. В настоящее время наблюдается устойчивый интерес к истории православной миссии в императорский период. Однако история прозелитизма иных конфессий Российской империи зачастую остается вне поля зрения исследователя. Изучение данного вопроса помогает лучше понять характер и особенности православного миссионерства, позицию властей по отношению к иноверной пропаганде. До издания указа о веротерпимости 17 апреля 1905 г. распространение ислама среди христиан и язычников Волго-Уральского региона было запрещено. Несмотря на это, исламский прозелитизм являлся существенным фактором в формировании конфессиональной структуры Волго-Уральского региона. Зачастую власти вынуждены были *de facto* признавать исламизацию местного населения. Некоторые губернаторы соглашались, что процесс «отступничества» невозможно удерживать только административными методами. Появилось понимание, что для противодействия исламизации «инородцев» требуется просветительская работа православного духовенства.

Распространение ислама осуществлялось различными способами: проповеднической деятельностью мусульманского духовенства, через религиозные школы (медресе и мектебе), посредством браков, аккультурации, а также паллиативными способами – угрозами, созданием тяжелых жизненных условий, вынуждавших принимать религию Корана. Ислам являлся конкурирующей религией господствовавшему вероисповеданию – православию. В связи с этим власти уделяли мусульманству повышенное внимание. Значимость ислама объяснялась ещё тем, что мусульмане Российской империи исповедовали религию, которая являлась господствующей в Османской империи. На рубеже XIX – XX вв. возникло движение под названием «панисламизм». Несмотря на то, что идеологи данного движения не оказали решающего влияния на российских мусульман, власти империи опасались смешения миссионерской деятельности мусульман с политическим аспектом.

Ключевые слова: православие, ислам, Волго-Уральский регион, муллы, медресе, мектебе.

В начале XX в. в структуре органов управления Российской империи были образованы «Особые совещания по выработке мер для противодействия татаро-мусульманскому влиянию в Приволжском крае». В ходе одного из заседаний был констатирован неожиданный факт: на протяжении предыдущих столетий власти упустили из виду мусульманский вопрос, ибо «устранили себя совершенно от этого предмета» [32, л. 30]. Оказалось, что огромная часть империи – «Приволжский край» – оказался под сильным влиянием татар-мусульман. Нельзя сказать, что до начала XX в. власти «забыли» про мусульман. Можно вспомнить активное миссионерство периода Новокрещенской конторы, особое внимание Екатерины II к татарам-мусульманам, учреждение миссий для удержания крещеных татар в лоне Церкви, наконец, систему Н. И. Ильминского. В действительности же на протяжении долгого времени заострение исламского вопроса было результатом усилий миссионеров и епархиального руководства. Вятский епископ Вениамин (Сахновский) не раз писал о татарах-мусульманах, что они препятствуют процессу христианизации язычников Вятской епархии [40, л. 1–2]. Позднее Пермский комитет Православного миссионерского общества с тревогой отмечал, что ислам – это религия «устойчивая и стремится к распространению» [4, л. 2 об.].

Если церковные круги видели в исламе конкурирующую за души людей религию, то гражданская власть, стремившаяся сохранить устойчивость империи, воспринимала мусульман как часть гражданского сообщества, хотя и как «инородное тело». Характерен следующий пример. При императоре Александре II возникла переписка между казанским архиепископом Антонием (Амфитеатовым) и Департаментом Духовных дел иностранных исповеданий. Поводом к переписке были массовые отпадения крещеных татар в мусульманство. Казанский архиерей предлагал сократить количество мечетей в губерниях России, ссылаясь на то, что правительство некогда закрывало православные монастыри. В Департаменте Духовных дел

рассудили, что увеличение мечетей не может являться непосредственной причиной отпадений, т. к. отпадения необходимо предотвращать другим – просветительской деятельностью православного духовенства. При этом гражданская власть указывала на то, что нормы Шариата требуют строительства молитвенных домов для мусульман. В связи с тем, что мусульмане являлись подданными «Его Императорского Величества», то правительство не могло пойти по пути религиозной дискриминации [36, л. 17, 47].

После покорения Казани и начала христианизации местного населения мусульмане стремились не только противодействовать православным миссионерам, но и обращать в свою веру анимистов и новокрещеных. Н. В. Никольский, основываясь на данных архива Нижегородской духовной консистории, относящихся к XVII в., отмечал: «мусульмане, все, как один человек, готовы были противодействовать каждому покушению на свою религиозную совесть. Тому, кто принял крещение, мусульмане угрожали смертью, – тем новокрещеным, которые способствовали крещению своего иноплеменника, совершенным истреблением» [25, с. 163].

В XVIII в. активность поволжских мусульман по распространению своей веры усилилась, что было вызвано активизацией православной миссии. Тобольский митрополит Сильвестр (Гловатский) в середине XVIII в. отмечал, что казанские абызы распространяют «магометанский закон» среди барабинских татар [30, л. 38]. Данный пример хорошо показывает, что активность казанских татар-мусульман в распространении своей веры была весьма высока и выходила за пределы Волго-Уральского региона. О широком размахе исламской пропаганды говорит и тот факт, что к середине XVIII в. некоторые народы Поволжья, хотя и оставались язычниками, но вместе с тем соблюдали исламские обряды. Академик Г. Ф. Миллер заметил, что некоторые марийцы «держат магометанский закон», празднуют пятницу, принимают обрезание [24, с. 99]. И. Г. Георги в своих «Описаниях» отмечал, что крещеные чуваша празднуют вместо воскресного дня пятницу, по примеру татар не едят свинины [3, с. 35]. Бесермяне, народ, родственник удмуртам, почти поголовно исповедовали религию Корана.

В связи с активностью мусульман власти стали чаще принимать административные меры, направленные на ограничение распространения ислама в России. В губернских канцеляриях рассматривались дела о мусульманах, распространявших свое учение среди язычников и новокрещеных. В 1755–1756 гг. Казанская губернская канцелярия рассматривала дело об оставшемся татарине Умете Абрамове. Он был судим за донос о чтении над женой новокрещеного Ивана Андреева «по своему магометанскому закону в книгу и волшебстве». Правда, за принятие крещения татарин Умет был освобожден от наказания [28, л. 1]. Другой формой ответа на исламскую пропаганду было ограничение строительства мечетей. При императрице Елизавете проводилась политика разрушения мечетей, расположенных вблизи жилищ новокрещеных, что было вызвано усиливавшейся мусульманской пропагандой.

Во второй половине XVIII в. деятельность мусульманских проповедников не ослабевала. Немалую роль в этом сыграла императрица Екатерина II, дозволившая мусульманам восстанавливать мечети и строить новые. Помимо этого, Екатерина II позволила печатать Коран, учредила «магометанские духовные собрания», даровала татарской знати право обладать правами российского дворянства. Все эти меры создавали условия, благоприятствовавшие распространению исламского учения среди народов России. Доказательством этому служит то, что в начале XIX в. крещеные татары Нижегородской губернии в массовом порядке подали прошения о переводе их из православного ведомства в мусульманское. Согласно сведениям, собранным в 1802 г. нижегородским епископом Вениамином, этому способствовали «абызы татарские», которые по нескольку раз в день навещали крещеных татар, говорили с ними на родном татарском языке и увещевали перейти в мусульманство [18, с. 23].

На продолжении всего XIX в. процесс исламизации народов Волго-Уральского региона продолжался. На это указывают следующие факты. В 1832 г. Малмыжский уездный суд рассматривал дело о тридцати удмуртах д. Маскары Малмыж, принявших ислам. Когда в эту деревню приехал специально посланный священник Степан Красноперов, то он убедился в факте полной исламизации удмуртов [21, с. 486]. В 1847 г. Казанское губернское правление возбудило уголовное дело о мулле Абдуле Гафурове, который обратил в ислам чувашина Тимофея Шитулова [7, л. 4]. Согласно донесению поданному миссионеру архимандриту Самуилу в 1849 г. в Казанскую духовную консисторию, причиной отпадений крещеных татар в мусульманство была тайная проповедь мулл [11, л. 100]. «Совратители» крещеных в ислам подвергались властями ссылке на каторжные работы и лишению «прав состояния» [8, л. 2–2 об.].

Прозелитизм мулл, которые «привлекают идолопоклонников к мусульманству», был выявлен в Оренбургской губернии [35, л. 31 об.]. Оренбургское губернское правление было озабочено тем, что пропагандисты исламского вероучения среди крещеных татар распространяли слухи, что «принявшие святое крещение, под предлогом недостаточного обучения христианской веры, могут быть обращены к прежним языческим и магометанским заблуждениям» [34, л. 3 об.]. Стоит заметить, что введение в заблуждение относительно установления в Российском государстве свободы вероисповедания, было одним из излюбленных способов привлечения крещеных татар в ислам. В ряде деревень Васильевского уезда Нижегородской губернии крестьянин Василий Естифьев рассказывал, что «якобы каким то новокрещеным же из татар, живущим в Казанской губернии позволено обратиться в магометанство». Естифьев убеждал сельчан, что вскоре такое позволение дано будет и здешним крестьянам [18, с. 23]. В Чистопольском уезде Казанской губернии несколько крестьян-мусульман заявляли, что крещеным татарам разрешено вернуться в магометанство, что «Государь даровал в своем государстве свободу веры» [36, л. 71].

Во второй половине XIX – начале XX вв. распространение ислама осуществлялось в новых исторических реалиях, связанных с формированием миссионерской системы Н. И. Ильминского. Новая педагогическая система, основанная на просветительских методах, стала давать крупные плоды только к концу жизни ее основателя. В первые годы царствования Александра II исламизация крещеных татар шла прежним ходом. В Казанской губернии из православия в ислам перешло более четырех тысяч крещеных татар [36, л. 22]. В Вятской губернии крещеные татары Елабужского уезда обращались также к исламу. В 1871 г. во время заседания вятского комитета Православного миссионерского общества была заслушана записка духовной консистории «об отступничестве от христианства в магометанство» крещеных татар четырех приходов Елабужского уезда «вследствие магометанской пропаганды» [42, л. 22].

С целью оградить мусульманскую проповедь среди новокрещеных, власти стремились не допустить совместного проживания мусульман и крещеных инородцев. Император Александр II поручил министру государственных имуществ осуществить меры по переселению крещеных татар из тех мест, где проживали мусульмане [36, л. 57]. В 1895 г. Вятская духовная консистория просила малмыжского уездного исправника запретить семье Трофима Герасимова, приехавших из Оренбургской губернии в Вятскую губернию, проживать среди крещеных татар [12, л. 25].

Как и прежде, решающее значение на исламскую пропаганду оказывали муллы. Это хорошо видно из отчета одного из студентов, посланных братством Св. Гурия в 1881 г. увещевать крещеных татар не уклоняться от православия. В дневнике описан следующий случай. В декабре 1880 г., незадолго до Рождества Христова, в деревню Казанлары приехал мулла и посреди улицы стал убеждать жителей перейти в мусульманство, предлагал книгу, чтобы записать в нее желающих отпасть от христианства, утверждал, что на это есть особый царский указ [13, л. 7]. В Пермской губернии мусульмане склоняли удмуртов к принятию своего закона. В Больше-Гондырской волости местная администрация обратила внимание на то, что «магометанские миссионеры», хорошо владея удмуртским языком, обращали их в свой закон. К концу XIX в. численность удмуртов-мусульман составляла 359 человек, хотя в действительности, как утверждали современники, их было намного больше [38, с. 5].

Несмотря на факты отпадений, интенсивность исламизации стала явно ослабевать под воздействием миссионерской системы Ильминского. Этому просветителю удалось построить систему обучения таким образом, что из крещенских школ выходили убежденные в евангельской истине татары, удмурты, марийцы и прочие народы Волго-Уралья. С. В. Чичерина, посетившая много новокрещенских селений Волго-Уральского региона, оставила воспоминания о функционировании системы Ильминского, так как она увидела своими глазами результаты работы Ильминского. Следующий пример вполне может служить типовым. В одном селе крещеные татары ходили наниматься на работы к татарам-мусульманам. Прежде чем приступить к работе, татары-мусульмане заставляли крещеных татар снимать кресты, и те выполняли это условие. Но когда появилась в селе школа, когда зазвучали христианские слова на татарском языке, тогда крещеные татары настолько укрепились в христианской вере, что соглашались приступать к работе только с крестом на шее. И татары-мусульмане уступали этому требованию, более того, вынуждены были допустить наемных работников к работе в пятницу, а в воскресный день отпустить их на отдых [15, л. 242].

После издания указа о веротерпимости (17 апреля 1905 г.) пропаганда ислама, по словам П. Знаменского, «усилилась до крайнего напряжения» [17, с. 50]. Указ предоставил право

распространять свои религиозные идеи многим конфессиям России, в том числе и исламу. П. В. Знаменский, современник тех событий, отмечал, что мусульманские миссионеры появлялись на базарах, в домах новокрещенных и внушали, что царь приказал всех «инородцев» приводить в мусульманство, заверяя, что и сам в него перейдет. В то же время православным миссионерам въезд в татарские селения был запрещен под угрозой лишения жизни. «Секим башка», – таков был ответ мусульман православным миссионерам [17, с. 50].

Таким образом, на протяжении всего имперского периода проповедь исламского учения не прекращалась. Возникает необходимость обратиться к выяснению причин исламизации народов Волго-Уральского региона. Исламское учение имело миссионерский характер, что определяло активность мусульманского духовенства в приобретении неофитов. Язычники Волго-Уралья в общем индифферентно относились к религиям других народов, считая, что у каждого народа должна быть своя вера. В 1842 г. чувашин Назар Фомин распространял среди крещеных одноплеменников, что ему в видении явился какой-то старик и приказал передать всем, чтобы чуваша держали свою веру, русские – «русскую веру», татары – «татарскую» [37, с. 84]. Мусульмане же не были столь индифферентны и стремились обратить в свою веру «иноверных». По свидетельству студента Казанской духовной академии Петра Троицкого, каждый татарин являлся «прозелитом пророка», при любом удобном случае предлагал немусульманам Коран и тюбетейку, получал значительную денежную сумму, если находил единомышленников [11, л. 247]. Другой студент отмечал, что исламская миссия ведется при участии «всех элементов мусульманства». «И администратор, и его подчиненный, и купец, и бедняк – все, как один, стремятся к достижению общей задачи – исламизации слабых народностей» [10, л. 201].

Существенную роль в распространении исламских идей играл процесс аккультурации. Наиболее рельефно это проявлялось в районах совместного проживания татар с нерусскими народностями. В 1834 г. Саратовское губернское правление рассматривало дело о чувашах, соблюдавших обряды исламской веры. Было выяснено, что в результате длительного проживания с мусульманами, чуваша «потеряли понятие о предках своих», совершали обряды по мусульманской вере [29, л. 6 об.]. Крещеные татары Мензелинской округи заявляли, что отпадают от православия в ислам, т. к. живут рядом с татарами, которые «одно с ними племя и языка», и в результате постоянных общений «так приобькли к их вере, что не могут отстать от оной» [34, л. 6]. Викарий Казанской епархии епископ Мамадышский Андрей (Ухтомский) в письме на имя П. А. Столыпина указывал на то, что крещеные татары вынуждены наниматься на работы к татарам-мусульманам, «у которых они мало по-малу привыкают к их быту и возвращаются домой магометанами» [32, л. 1 об.]. Регулярные общения с представителями иной веры, причем такой, которая имеет миссионерский характер, не могли не сказаться на неоформленном религиозном мировоззрении, которое было характерно для большинства анимистов и новокрещенных.

Процессу аккультурации способствовали брачные союзы татар-мусульман с крещеными и язычниками. Р. Р. Исаков отмечал, что татары-мусульмане, несмотря на законодательное запрещение, тайно брали в жены девушек из семей крещеных, а детей воспитывали по правилам ислама [19, с. 57]. Эта мысль находит подтверждение в документах. В рапорте вятского епископа Неофита (Соснина) за 1839 г. отмечено, что новокрещенные татары Глазовского уезда д. Засковской «имеют купножителство с магометанскими женами своими без благословения Церкви», рожденные дети в таком браке содержат «магометанство» [31, л. 1]. Следующее дело показывает, насколько легко крещеные татары вступали в брак с мусульманами и после этого уже не считали себя христианами. В 1813 г. Сарапульский уездный суд (Вятская губерния) рассматривал дело о выходе крещеной татарки Евдокии Михайловой замуж за татарина Пасея Бикеева. В ходе следствия был допрошен приходской священник Авксентий Раборовский, который объявил, что позволение на бракосочетание давал он, но с условием, что татарин Абдул примет крещение. Татарин Пасей отрицал слова священника об обещании принять крещение. Родители татарки отозвались тем, что точных обстоятельств дела не знают. Сама Евдокия заявила, что татарин Пасей принуждения ко крещению «не чинил», но «она уже сама по довольном обращении с магометанами, а особливо по сожитии с мужем ее совершенно отвыкла от христианства и теперь содержит магометанское исповедание» [39, л. 2–5].

Российские власти неоднозначно решали вопрос о допустимости совершения браков мусульман с язычниками. В 1819 г. Министерство духовных дел и народного просвещения по делу о браке татарина Л. Павлова и «тепярки» Т. Тамирбаевне постановило: «магометане в

России не могут обращать в их веру никого из какой веры» [5, л. 255–255 об.]. Этим самым давалось понять, что браки мусульман и язычников, приводящие к принятию ислама язычниками, недопустимы. Однако в другое время власти признали допустимость таких браков. В 1851 г. министр внутренних дел в записке обер-прокурору Св. Синода отметил, что нет законных оснований запретить браки «идолопоклонников» с мусульманами. Также нет законных оснований запрещать многоженство, которое допускается по вероисповеданию язычников и мусульман [35, л. 36–36 об.].

Значимым фактором исламизации народов Волго-Уралья было активное строительство мусульманских молитвенных домов – мечетей. В Казанской губернии количество мечетей на душу населения было намного больше, чем православных храмов. В 1865 г. согласно данным казанского архиепископа в Казанской епархии православных насчитывалось 1 млн. 180 тыс. человек, которые были распределены на 485 церквей. Мусульман же значилось 447 тыс. человек, в то время как мечетей – 710 [36, л. 20 об.]. Нужно заметить, что пример Казанской губернии не был типичным, т. к. в таких губерниях, как Вятская и Пермская, перевес был на стороне православных храмов. Но и здесь необходимо сделать оговорку. Как правило, мусульманский приход – махалля – включал от 200 до 300 душ, а православные приходы насчитывали в среднем 800 – 1500 тыс. душ приходских людей. Совокупность всех этих фактов дает основание думать, что у мусульманского духовенства было намного больше времени работать с каждым отдельным прихожанином, чем у православного священника.

Другая причина исламизации коренилась в культурно-историческом феномене татарского народа. Б. М. Юзефович заметил в свое время, что прошлое татар «не лишено обаяния для некогда признававших над собою их владычество местных народов» [43, с. 20]. Финское население Поволжья и Приуралья видело в татарах более развитую нацию. В некоторых селениях можно было наблюдать тягу к «татарскому» образу жизни и быта, что вело за собой принятие ислама. В Бирском и Мензелинском уездах Оренбургской губернии многие марийцы перенимали от татар одежду, домашний быт, фольклор и язык. Современник заметил, что «отатариванием» следовало принятие марийцами исламской веры [16, с. 12].

В историографии, посвященной межконфессиональным отношениям в Волго-Уральском регионе, много внимания уделяется стеснительной политике правительства и церковной власти в отношении мусульман. Писать о «насильственной христианизации» стало едва ли не правилом хорошего тона, хотя упрощенное понимание этого процесса вряд ли основательно. Вместе с тем крайне осторожно обходится стороной вопрос о насильственной исламизации, создании таких условий, которые вынуждали обратиться в ислам. П. Знаменский отмечал, что влиятельные «магометане» создавали для православных тяжелые условия быта, всячески притесняли, «насмешками» и «придирками» вынуждали даже самых стойких перейти в ислам [17, с. 51]. Есть немало свидетельств, говорящих в пользу этих слов. В середине XVIII в. казанский епископ Лука (Канашевич) доносил, что татары-мусульмане срывали с крещеных татар кресты, держали в неволе, угрожали «переломать у них правые руки, чтоб им невозможно было молиться» [28, л. 39–39 об.]. В 1744 г. дворянин Данила Елагин доносил в Свияжскую провинциальную канцелярию о срывании креста с крещеного татарина Алексея Иванова и «в наругательстве христианской веры» [22, с. 79]. В 1748 г. Новокрещенская контора рассматривала дело о крещеной татарке Матрене Петровне, которая сама явилась к священнику и просила принять святое крещение. За этот поступок ее муж Аитка вместе с несколькими мусульманами увезли Матрену, заковали в колодки и били за то, что она приняла крещение. Руководство конторы напоминало губернаторам и воеводам, что согласно законам, запрещено склонять «ни под каким видом» в «магометанский закон» [22, с. 81–82].

Хотя законы империи ограждали православных от прозелитизма иных вер, но действительность зачастую выглядела иначе. Доказательством этому служат следственные дела XIX – начала XX вв. В д. Никифоровка Мамадышского уезда Казанской губернии двое крещеных татар из-за угроз матери «подпали в магометанство», хотя считали себя христианами [13, л. 12 об.]. В 1845 г. крещеная татарка Ксения жаловалась священнику, что ее муж «побоями склонял в магометанство» [6, л. 1 об.]. Нередко мусульмане смещали с должностей тех, кто придерживался православия [13, л. 13]. Если такие факты не считать насилем физическим, то, по крайней мере, следует признать их насилем психологическим. Такими действиями давалось понять, что не-мусульманину в мусульманской среде нельзя было занять достойного места, не изменив, вынужденно, своих религиозных взглядов. Были и иные подобные слу-

чаи. В чувашской деревне Шаймурдино на сельских сходах крещеные чуваша подвергались наказанию, если работали по пятницам, а если хотели судиться с кем-либо, то судьей обязательно выбирался кто-либо из мусульман [14, л. 13–14].

Конечно, нельзя все эти факты считать краугольными в процессе исламизации народов Волго-Уралья. Но, во всяком случае, нужно признать, что такой тривиальный способ распространения религии был одной из главных причин принятия ислама. Побывавший среди мусульман П. Ерусланов заметил, что общий настрой местных мусульман по отношению к «кяфирам» был непримиримый. Мусульмане ждали прихода в мир последнего пророка – Маади – и чаяли наступления джихада с «неверными». В разговорах говорили: «напрасно не делаешься мусульманином; подумай, ведь погибнешь от наших рук; жалко знакомого человека убивать, но таков будет закон, неверному один конец – мечь» [16, с. 27–28].

Благоприятным условием распространения ислама можно считать относительную терпимость гражданской власти в отношении мусульман. Н. В. Никольский заметил, что в XVII в. «гражданские власти мало заботились об интересах христианства», вопреки царским указам позволяли строить мечети в недозволенных местах [25, с. 57]. При Екатерине II православные миссионеры были ограничены в возможности проповедовать среди мусульман, к концу правления императрицы миссионерам вовсе было запрещено проповедовать среди «иноверцев». При Александре II местные чиновники в Казанской губернии мало обращали внимания на открытие муллами учебных заведений, несмотря на то, что с 1874 г. они обязаны были осуществлять контроль за учебным процессом в мусульманских учебных заведениях [15, л. 142–143]. В целом нужно отметить, что Российское государство не стремилось установить полный контроль над мусульманским обществом. Это было не только бессмысленно ввиду неизбежности сепаратистских настроений, но и невозможно технически в силу слабого развития коммуникаций и незначительного числа чиновников относительно большого населения империи. Р. Круз указывал на то, что внутри царской элиты в дискуссиях об оценке ислама победу одерживала та «партия», которая отстаивала положительное влияние ислама на стабильность империи [20, с. 28].

Существует точка зрения, что переход в ислам зачастую осуществлялся не в результате прозелитизма татар или «особой привлекательности» ислама как учения, а как протест против насильственной христианизации и русификации [26, с. 118; 37, с. 86]. Это был уход от имперского давления, в ту сферу, которая не охватывалась властями. Вместе с тем не стоит абсолютизировать данное явление, предполагать, что империя всегда выглядела силой ужасающей. Такой взгляд характерен для историографии «малых» народов России, является отголоском их борьбы за национальную автономию и независимость. Исследования последних лет, посвященные имперской проблематике, показывают, что частым явлением в жизни народов Российской империи было сотрудничество национальных элит с властями, приспособлением государственного аппарата и законов под свои нужды, если угодно, одомашниванием царской бюрократии [2, с. 66; 20, с. 10; 24, с. 11; 44, р. 386].

Татары-мусульмане не имели государственной поддержки, не могли обещать правовые льготы неофитам. Но именно это давало некое обаяние, представляло мусульман как свободных миссионеров. В этом смысле можно согласиться с выражением о «татарской народной миссии» [19, с. 188].

Переходя к недостаткам русской православной миссии как фактору, способствовавшему исламизации народов Волго-Уралья, считаем необходимым обратиться к сравнительному анализу христианизации славян и финно-угорских народов. Успехи христианизации восточных славян в XI – XII вв. во многом были обеспечены обилием христианской литературы, появившейся в IX–X вв. на славянском языке. Несмотря на то, что в массе сохранялись языческие пережитки, появился слой книжников, проповедников, культивировавших христианские идеи своему народу. Христианизация народов Волго-Уралья в XVIII – первой половине XIX в. носила принципиально иной характер. Принятие православия финскими и тюркскими народами не сопровождалась переводом богослужения и литературы на местные языки. Не был сформирован культурный слой «инородческой» интеллигенции, которая могла бы обеспечить трансляцию новой веры своим собратьям. За эти полтора столетия из-за непонимания православного вероучения сформировалось сознание чуждости новой веры.

Не стоит думать, что это было поголовное непонимание христианской веры. Нередко появлялись подвижники благочестия, которые осознавали истину христианской веры. Новокрещеный чувашин Трофим Мозяк строго соблюдал пост, ежегодно причащался, вносил свои средства на роспись иконостаса, призывал в дом священников [9, л. 3]. В 1794 г. крещеная бе-

сермянка Кабиба Эшмурзина направила благодарственное письмо вятскому архиерею, в котором благодарила за дар веры «во истинного Бога Иисуса Христа» [41, л. 3–3 об.]. Таких примеров на самом деле немало. Но это были именно примеры, исключение, своего рода «малое стадо». Масса новокрещеных не понимала и не принимала ортодоксального варианта православия именно вследствие отсутствия переводов богослужения и христианских книг на местные языки. Этот фактор значительно способствовал успеху исламизации местного населения.

В заключении необходимо указать на обстоятельства, которые задерживали распространение ислама. Несмотря на то, что гражданская власть не вмешивалась во внутреннюю жизнь мусульманских подданных, давала свободно развиваться религиозным школам (медресе и мектебе), она, тем не менее, применяла строгие административные меры в отношении «совратителей» и «сверженных», чиновники не должны были допускать исламскую пропаганду среди православного населения.

Другим фактором, сдерживавшим исламизацию народов Волго-Уральского региона, было неприязненное отношение к татарам со стороны финно-угорских народов. В отчете вятского губернатора о состоянии губернии за 1837 г. указано, что удмурты не любят как русских, так и татар, и «как бы помня утеснения, которые терпели от этих пришельцев их предки, всегда стараются удалиться от них и избегать всякого с ними общения» [33, л. 3]. П. Н. Луппов писал, что татары могли бы успешнее распространять свою веру, если бы не их недоброжелательное отношение к удмуртам. Однако татары «сильно эксплуатировали и вообще притесняли их... Поэтому теперь во многих местах мы видим недоброжелательное отношение вотяков к татарам» [21, с. 487]. Ярким подтверждением этого является тот факт, что удмурты некоторых приходов Вятской и Казанской губерний представляли злое божество в виде татарина в тубетейке [1, с. 5].

Русификация, сближение русских с народами Волго-Уральского региона также являлась сдерживающим фактором исламизации. В тех местностях, где русские принимались в качестве соседей, как правило, вместе с русской речью, костюмом и обычаями укоренялось и православие. П. Н. Луппов писал: «Русская девица, выйдя замуж за вотяка, естественно не могла разделять тех поверий, той преданности языческим богам, какая наблюдалась еще у вотяков, и не могла воспитывать в ней своих детей» [21, с. 481].

В Российской империи ислам являлся важной составляющей конфессиональной структуры государства. Мусульмане Волго-Уральского региона являлись ведущим звеном, своего рода авангардом исламского движения в России. Этот потенциал лидеры мусульманского движения направляли на дело распространения своего вероисповедания среди народов Волго-Уралья. На протяжении более чем двух веков часть финского населения региона восприняла исламскую культуру, от поверхностно-мифологического уровня до понимания основ Корана. Исламизация наталкивалась на противодействие гражданской власти, православных миссионеров, части нерусского населения, не желавшего воспринимать культуру и быт татар-мусульман. Исламизация, как и христианизация, оказали значительное влияние на формирование культуры и традиций народов Волго-Уральского региона.

Список литературы

1. *Васильев Иоанн, свящ.* Обзорение языческих обрядов, суеверий и верований вотяков Казанской и Вятской губерний. Казань : Тип. Казан. имп. ун-та, 1906. 88 с.
2. *Верт П.* От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и их взаимозависимость // *Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет : антология / сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М. : Новое изд-во, 2005. С. 48–83.*
3. *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Часть первая. О народах финского племени, известных в истории Российской под общим именем Руссов. СПб. : Имп. Акад. наук. 76 с.
4. ГАПК (Государственный архив Пермского края). Ф. 199. Оп. 1. Д. 37.
5. ГАПК. Ф. 353. Оп. 1. Д. 35.
6. ГАРТ (Государственный архив Республики Татарстан). Ф. 2. Оп. 9. Д. 321.
7. ГАРТ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 687.
8. ГАРТ. Ф. 2. Оп. 12. Д. 1484.
9. ГАРТ. Ф. 4. Оп. 57. Д. 22.
10. ГАРТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1341.
11. ГАРТ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 1383.
12. ГАРТ. Ф. 169. Оп. 1. Д. 21.

13. ГАРТ. Ф. 967. Оп. 1. Д. 8.
14. ГАРТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 41.
15. ГАРТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 201.
16. *Ерусланов П.* Магометанская пропаганда среди черемис Уфимской губернии. М. : Печатня А. И. Снегиревой, 1885. 60 с.
17. *Знаменский П.* Казанские татары. Казань : Типография Императорского Университета, 1910. 67 с.
18. *Ильминский Н. И.* Опыт переложения христианских вероучительных книг на татарский и другие инородческие языки в начале текущего столетия. Материал для истории православного русского миссионерства. Казань : Тип. ун-та, 1883. 356 с.
19. *Исхаков Р. Р.* Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII – начало XX в.). Казань : Тат. кн. изд-во, 2011. 221 с.
20. *Круз Р.* За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М. : Новое литературное обозрение, 2020. 475 с.
21. *Луппов П. Н.* Христианство у вотяков в первой половине XIX века. Вятка : Губ. тип., 1911. 568 с.
22. *Малов Е.* О Новокрещенской канторе. Речь, произнесенная в торжественном годичном собрании казанской духовной академии 1878 г. // Православный собеседник. 1878. Ч. III.
23. *Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм : эссе по методологии исторического исследования. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 316 с.
24. *Миллер Г. Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб. : Изданием Имп. Акад. Наук, 1791. 99 с.
25. *Никольский Н. В.* Христианство среди чуваш среднего Поволжья в XVI–XVIII веках : исторический очерк. Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1912. 416 с.
26. *Ногманов А. И.* Самодержавие и татары. Очерки истории законодательной политики второй половины XVI–XVIII веков. Казань : Татарское кн. изд-во, 2005. 213 с.
27. РГАДА (Российский государственный архив древних актов). Ф. 407. Оп. 1. Д. 72.
28. РГАДА. Ф. 407. Оп. 1. Д. 107.
29. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 383. Оп. 7. Д. 6109 б.
30. РГИА. Ф. 796. Оп. 31. Д. 205.
31. РГИА. Ф. 796. Оп. 121. Д. 1243.
32. РГИА. Ф. 796. Оп. 191. Д. 163.
33. РГИА. Ф. 797. Оп. 5. Д. 20785.
34. РГИА. Ф. 797. Оп. 15. Д. 35650.
35. РГИА. Ф. 797. Оп. 18. Д. 41173.
36. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 743.
37. *Таймасов Л. А.* Христианизация чувашского народа в первой половине XIX века. Чебоксары : Изд-во Чуваш. Госуниверситета, 1992. 144 с.
38. *Тезяков Н.* Вотяки Больше-Гондырской волости (медико-статистический и антропологический очерк). Чернигов : журн. "Зем. врач", 1892. 87 с.
39. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. 18. Оп. 1. Д. 67. Л. 2–5.
40. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 127.
41. ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 81. Д. 999.
42. ЦГАКО. Ф. 811. Оп. 1. Д. 13.
43. *Юзефович Б. М.* Христианство, магометанство и язычество в восточных губерниях России. СПб.: Тип. А. Траншея, 1883. 64 с.
44. *Werth W. Paul.* Tsarist Categories, Orthodox Intervention, and Islamic Conversion in a Pagan Udmurt Village, 1870s–1890s. // Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Vol. 2: Inter-Regional and Inter-Ethnic Relations. Berlin, 1998. Pp. 385–415.

The spread of Islam in the Volga-Ural region in the middle of the XVIII – early XX century

Orlov Maxim Alexandrovich

PhD in Historical Sciences, St. Petersburg Lyceum. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-4663-9443.

E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Abstract. Currently, there is a steady interest in the history of the Orthodox mission during the imperial period. However, the history of proselytism of other confessions of the Russian Empire often remains out of the researcher's field of view. Studying this issue helps to better understand the nature and features of Orthodox missionary work, the position of the authorities in relation to non-Orthodox propaganda. Before the decree on religious tolerance was issued on April 17, 1905, the spread of Islam among Christians and pagans of the Volga-

Ural region was prohibited. Despite this, Islamic proselytism was an essential factor in the formation of the confessional structure of the Volga-Ural region. Often, the authorities were forced to de facto recognize the Islamization of the local population. Some governors recognized that the process of "apostasy" could not be contained only by administrative methods. There was an understanding that in order to counteract the Islamization of "foreigners", the educational work of the Orthodox clergy is required.

The spread of Islam was carried out in various ways: through the preaching activities of the Muslim clergy, through religious schools (madrasahs and mektebe), through marriages, acculturation, as well as palliative methods – threats, the creation of difficult living conditions that forced them to accept the religion of the Koran. Islam was a rival religion to the dominant religion, Orthodoxy. In this regard, the authorities paid increased attention to Islam. The importance of Islam was also explained by the fact that the Muslims of the Russian Empire professed a religion that was dominant in the Ottoman Empire. At the turn of the XIX – XX centuries, a movement called "pan-Islamism" arose. Despite the fact that the ideologists of this movement did not have a decisive influence on Russian Muslims, the imperial authorities were afraid of mixing the missionary activity of Muslims with a political aspect.

Keywords: Orthodoxy, Islam, Volga-Ural region, mullahs, madrasahs, mektebe.

References

1. Vasiliev John, the priest. *Obozrenie yazycheskih obryadov, sueverij i verovanij votyakov Kazanskoj i Vyatskoj gubernij* [An overview of pagan rituals, superstitions and beliefs of the Votyaks of the Kazan and Vyatka provinces]. Kazan. Typ. of Kazan Imp. University, 1906. 88 p.
2. Vert P. Ot "soprotivleniya" k "podryvnoj deyatel'nosti": vlast' imperii, protivostoyanie mestnogo naseleniya i ih vzaimozavisimost' [From "resistance" to "subversion": the power of the Empire, the confrontation of the local population and their interdependence] // *Rossijskaya imperiya v zarubezhnoj istoriografii. Raboty poslednih let : antologiya* – The Russian Empire in Foreign Historiography. Works of recent years : an anthology / comp. P. Vert, P. S. Kabytov, A. I. Miller. M. New Edition, 2005. Pp. 48–83.
3. Georgi I. G. *Opisanie vsekh obitayushchih v Rossijskom gosudarstve narodov: ih zhitejskih obryadov, obyknovenij, odezhd, zhilishch, uprazhnenij, zabav, veroispovedanij i drugih dostopamyatnostej. Chast' pervaya. O narodah finskogo plemeni, izvestnyh v istorii Rossijskoj pod obshchim imenem Russov* [Description of all the peoples living in the Russian state: their everyday rituals, customs, clothes, dwellings, exercises, amusements, religions and other memorabilia. Part one. About the peoples of the Finnish tribe, known in the history of Russia under the common name Russov]. SPb. Imp. Academy of Sciences. 76 p.
4. SAPR (State Archive of the Perm region). F. 199. Inv. 1. File 37.
5. SAPR. F. 353. Inv. 1. File 35.
6. SART (State Archive of the Republic of Tatarstan). F. 2. Inv. 9. File 321.
7. SART. F. 2 Inv. 9. File 687.
8. SART. F. 2. Inv. 12. File 1484.
9. SART. F. 4. Inv. 57. File 22.
10. SART. F. 10. Inv. 2. File 1341.
11. SART. F. 10. Inv. 2. File 1383.
12. SART. F. 169. Inv. 1. File 21.
13. SART. F. 967. Inv. 1. File 8.
14. SART. F. 968. Inv. 1. File 41.
15. SART. F. 968. Inv. 1. File 201.
16. Eruslanov P. *Magometanskaya propaganda sredi cheremis Ufimskoj gubernii* [Mohammedan propaganda among the cheremis of the Ufa province]. M. Printing house of A. I. Snegireva, 1885. 60 p.
17. Znamenskij P. *Kazanskie tatory* [Kazan Tatars]. Kazan. Printing House of the Imperial University, 1910. 67 p.
18. Il'minskij N. I. *Opyty perelozheniya hristianskih verouchitel'nyh knig na tatarskij i drugie inorodcheskie yazyki v nachale tekushchego stoletiya. Material dlya istorii pravoslavnogo russkogo missionerstva* [Experiments of translating Christian doctrinal books into Tatar and other foreign languages at the beginning of this century. Material for the history of Orthodox Russian missionary work]. Kazan. Typ. of university, 1883. 356 p.
19. Iskhakov R. R. *Missionerstvo i musul'mane Volgo-Kam'ya (poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX v.)* [Missionary work and Muslims of the Volga region (the last third of the XVIII – early XX century)]. Kazan. Tat. book publishing house, 2011. 221 p.
20. Cruz R. *Za proroka i carya. Islam i imperiya v Rossii i Central'noj Azii* [For the prophet and the king. Islam and the Empire in Russia and Central Asia]. M. New Literary Review, 2020. 475 p.
21. Luppov P. N. *Hristianstvo u votyakov v pervoj polovine XIX veka* [Christianity among the Votyaks in the first half of the XIX century]. Vyatka. Gubernia typ., 1911. 568 p.
22. Malov E. *O Novokreshchenskoj kantore. Rech', proiznesennaya v torzhestvennom godichnom sobranii kazanskoj duhovnoj akademii 1878 g.* [About the Novokreschenskaya cantora. A speech delivered at the solemn annual meeting of the Kazan Theological Academy in 1878] // *Pravoslavnyj sobesednik* – Orthodox interlocutor. 1878. Part III.

23. Miller A. I. *Imperiya Romanovyh i nacionalizm : esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and nationalism : essays on the methodology of historical research]. M. New Literary Review, 2010. 316 p.

24. Miller G. F. *Opisanie zhivushchih v Kazanskoj gubernii yazycheskikh narodov, yako to cheremis, chuvash i votyakov* [Description of pagan peoples living in the Kazan province, such as Cheremis, Chuvash and Votyaks]. SPb. Dependent on Imp. Acad. of Sciences, 1791. 99 p.

25. Nikol'skij N. V. *Hristianstvo sredi chuvash srednego Povolzh'ya v XVI-XVIII vekah : istoricheskij ocherk* [Christianity among the Chuvash of the Middle Volga region in the XVI-XVIII centuries : a historical essay]. Kazan. Typo-lit. of Imp. university, 1912. 416 p.

26. Nogmanov A. I. *Samoderzhavie i tatary. Ocherki istorii zakonodatel'noj politiki vtoroj poloviny XVI-XVIII vekov* [Autocracy and Tatars. Essays on the history of legislative policy in the second half of the XVI-XVIII centuries]. Kazan. Tatar Publishing House, 2005. 213 p.

27. RSAAA (Russian State Archive of Ancient Acts). F. 407. Inv. 1. File 72.

28. RSAAA. F. 407. Inv. 1. File 107.

29. RSHA (Russian State Historical Archive). F. 383. Inv. 7. File 6109 b.

30. RSHA. F. 796. Inv. 31. File 205.

31. RSHA. F. 796. Inv. 121. File 1243.

32. RSHA. F. 796. Inv. 191. File 163.

33. RSHA. F. 797. Inv. 5. File 20785.

34. RSHA. F. 797. Inv. 15. File 35650.

35. RSHA. F. 797. Inv. 18. File 41173.

36. RSHA. F. 821. Inv. 8. File 743.

37. Taimasov L. A. *Hristianizaciya chuvashskogo naroda v pervoj polovine XIX veka* [Christianization of the Chuvash people in the first half of the XIX century]. Cheboksary. Chuvash Publishing House. State University, 1992. 144 p.

38. Tezyakov N. *Votyaki Bol'she-Gondyrskoj volosti (mediko-statisticheskij i antropologicheskij ocherk)* [Votyaks of Bolshe-Gondyrskaya volost (medical, statistical and anthropological essay)]. Chernihiv. Journal. "Earth. the doctor", 1892. 87 p.

39. CSAKR (Central State Archive of the Kirov region). F. 18. Inv. 1. File 67. L. 2-5.

40. CSAKR. F. 237. Inv. 74. File 127.

41. CSAKR. F. 237. Inv. 81. File 999.

42. CSAKR. F. 811. Inv. 1. File 13.

43. Yuzefovich B. M. *Hristianstvo, magometanstvo i yazychestvo v vostochnyh guberniyah Rossii* [Christianity, Mohammedanism and paganism in the eastern provinces of Russia]. SPb. Typ. of A. Transhel, 1883. 64 p.

44. Werth W. Paul. *Tsarist Categories, Orthodox Intervention, and Islamic Conversion in a Pagan Udmurt Village, 1870s-1890s. // Muslim Culture in Russia and Central Asia from the 18th to the Early 20th Centuries. Vol. 2: Inter-Regional and Inter-Ethnic Relations. Berlin, 1998. Pp. 385-415.*